

A close-up photograph of a heavily damaged, antique clock face. The clock is made of brass or copper, with a white face that is cracked and shattered in several places. The numbers 12, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, and 11 are visible, though some are partially obscured by the damage. A black silhouette of a person, possibly a woman, is positioned inside the clock face, holding a small, glowing lantern. The person's head is tilted slightly to the right. The clock's hands are visible, with the hour hand pointing towards 12 and the minute hand pointing towards 3. The background is a blurred cityscape at dusk or dawn, with warm lights from buildings visible. The overall mood is somber and nostalgic.

Константин Жарких

**Город, где никто
не помнит вчера**

Симфония миров

Константин Жарких

Город, где никто не помнит вчера

«Автор»

2026

Жарких К.

Город, где никто не помнит вчера / К. Жарких — «Автор»,
2026 — (Симфония миров)

Что, если счастье — это отсутствие памяти? В стерильном городе-клетке время идёт, но люди живут лишь одним днём, забывая себя каждую ночь. Илья — сбой в системе, человек, который помнит «вчера». Его борьба за любовь к Ане — это восстание против идеального порядка, где нет ни боли, ни радости. Он строит для неё мир из осколков воспоминаний, но система наносит ответный удар. Это история о цене свободы, о том, что значит быть живым, и о выборе между тихим забвением в раю и болезненной правдой реальности.

Константин Жарких

Город, где никто не помнит вчера

День 1

Запись в дневник:

Боль. Тупая, ноющая, где-то за глазами. Словно мозг пытается вспомнить что-то важное, но натывается на глухую стену.

Кровать. Простыни смяты, подушка тёплая. В комнате полумрак, сквозь щель в шторах пробивается узкий луч солнца, в котором пляшут пылинки.

Квартира стандартная — двушка. Я знаю это слово, хотя не помню откуда. Диван, телевизор на стене, стол у окна. На столе — чашка с засохшим коричневым следом от кофе. Не помню, как его пил.

Встал. Ноги слушались — базовые навыки вшиты в меня, как операционная система в компьютер. Но вот файлы... Файлы «Кто я?» и «Как я здесь оказался?» — повреждены или удалены.

Я подошёл к зеркалу в прихожей. На меня смотрел мужчина лет тридцати пяти-сорока. Тёмные волосы, щетина, усталые глаза.

— Илья, — сказал я вслух.

Имя звучало знакомо. Это всё.

В холодильнике стандартный набор: яйца, молоко, сыр. Руки действовали автоматически — пожарил яичницу. В ящике стола нашёл кошелек с деньгами и паспорт: *Иванов Илья Сергеевич*. Дата рождения не вызвала эмоций. С фотографии смотрел тот же человек из Зеркала. На столе нашёл телефон. Сети нет. Просто функция, не для связи, ни фото, ни файлов.

Позавтракал в тишине, глядя в окно на обычный двор: детская площадка, машины... Город казался декорацией к фильму, название которого я забыл.

Странное чувство нарастало. Не паника — диссонанс. Будто смотрел фильм о чужой жизни, но играл главную роль.

Вышел на улицу.

Дверь подъезда хлопнула за спиной, выпустив меня в мир, который должен был быть знакомым. Воздух пах весной и мокрым асфальтом. Глубокий вдох — пусто. Никаких воспоминаний.

Улица была типичной для спального района: панельные девятиэтажки в ряд, асфальт с лужами после вчерашнего дождя. На лавочке у подъезда сидели две старушки в платках. Их взгляды были липкими и оценивающими.

— Здравствуйте, — мой голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Они синхронно повернули головы и молча продолжили смотреть. Ни капли узнавания. Я кивнул и пошёл дальше, чувствуя их взгляды между лопаток.

Брёл без цели по маршруту-призраку: магазин «Продукты», школа с выцветшим плакатом «С Новым учебным годом!», остановка с одиноким мужчиной и удочкой. Всё казалось декорацией к забытому фильму.

Мои шаги привели меня к кафе «Уют». Сквозь окна были видны люди: они пили кофе, смеялись... Обычная жизнь. Толкнул дверь — над головой звякнул колокольчик.

Внутри пахло свежей выпечкой и кофе. Подошёл к стойке. Бариста — парень с пирсингом в брови — лениво протирал капучинатор.

— Кофе, пожалуйста. Чёрный.

Он кивнул.

Я обвёл взглядом зал: пара девушек-студенток шептались; мужчина в костюме читал газету. Никто не поднял глаз. Никто не крикнул: «Илья! Ты где пропал?».

Бариста поставил чашку:

— С вас восемьдесят рублей.

Я расплатился и сел за столик у окна. Кофе горчил.

— Простите... Вы меня не узнаете? Я тут раньше не бывал? — спросил я парня вполголоса.

Он посмотрел с вежливым недоумением:

— Нет. Вы у нас впервые.

Сделал глоток и посмотрел на улицу. В отражении стекла на меня смотрел незнакомец в тёмной куртке с чашкой в руках.

День тянулся мучительно долго призраком допроса самого себя. В магазинах я спрашивал продавцов:

— Вы меня не знаете?

В книжном сидя женщина лишь качала головой:

— Нет, сынок.

Я был призраком в этом городе.

К вечеру вымотался морально от постоянных отрицательных ответов. Когда небо окрасилось в багровые тона заката, я понял: пора возвращаться в свою клетку из бетона и тишины.

Квартира встретила полумраком. Запер дверь на все замки — инстинкт самосохранения работал безотказно. Свет на кухне показался слишком ярким и резким.

23:00

Я лежал на диване, глядя в потолок чужого дома.

«Завтра надеюсь, что-нибудь узнать», — подумал я перед тем, как провалиться в тяжёлый сон без сновидений.

День 2

Запись в дневник:

Среда. Я помню. Я помню, что было вчера.

Проснулся рывком, словно меня выдернули из омута. Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. Сон. Это был просто сон. Жуткий, реалистичный кошмар про амнезию и город, где меня никто не знает. Я выдохнул, пытаюсь унять дрожь в руках.

Но что-то было не так. Воздух в комнате был слишком спёртым, а свет, пробивающийся сквозь щель в шторах, падал под тем же углом, что и в моём сне. Сел на кровати. Взгляд упал на чашку на столе. Она стояла там же. С засохшим коричневым следом от кофе.

Встал и на ватных ногах подошёл к столу. Чашка была там. Точно такая же. Потрогал её пальцем. Холодная керамика. Реальная.

Я посмотрел на своё отражение в зеркале прихожей. Тот же мужчина с тёмными, коротко стриженными волосами и щетиной. Тот же усталый взгляд.

Сон не закончился. Он продолжался.

Заставил себя выйти на улицу, надеясь, что свежий воздух развеет наваждение. Но двор за окном был тем же самым: та же детская площадка, те же машины, те же деревья с молодой листвой.

Спустился вниз, молясь, чтобы старушек на лавочке не было.

Они были там.

И не просто были — они вели тот же самый разговор.

— А Петровна-то, слышь, опять кота завела! — донеслось до меня.

Я замер на ступеньках. Вчера они говорили то же самое.

Ледяной ужас сжал горло так, что стало трудно дышать. Это не сон. Это «День сурка». Петля времени. Безумие. Такого не бывает.

Я бросился к кафе «Уют». Мне нужно было подтверждение или опровержение — всё что угодно, лишь бы это прекратилось. Колокольчик над дверью звякнул той же самой нотой.

Бариста — парень с пирсингом в брови — лениво протирал капучинатор.

— Что закажете? — спросил он.

— Кофе, чёрный, — прошептал я.

Я сел за тот же столик у окна. Девушки-студентки шептались о социологии. Мужчина в костюме перевернул страницу газеты.

— Простите! — я вскочил и подбежал к стойке; голос сорвался на хрип. — Вы... вы меня помните? Вчера я заходил! Точно заходил!

Бариста нахмурился, его вежливость дала трещину под напором моей истерики:

— Нет, вы впервые у нас, — отрезал он тоном, не терпящим возражений.

Реальность треснула по швам и осыпалась осколками стекла.

Я выбежал на улицу, не взяв кофе. Ноги сами несли меня прочь от этого места, от этого звука колокольчика, от этого запаха кофе... Метался по улицам, заглядывая в лица прохожих:

— Простите! Вы меня знаете?

Мужчина с удочкой на остановке обернулся с каменным лицом и молча отвернулся. В продуктовом магазине продавщица посмотрела на меня как на городского сумасшедшего.

К обеду понял: я один. Абсолютно один в этом карнавальном повторении. Все вокруг — бездушные актёры, играющие свою роль по второму кругу, даже не подозревая об этом. А я — единственный зритель, который видит оба акта и сходит с ума от этого знания.

К вечеру вернулся домой обессиленный и опустошённый. Запер дверь на все замки и забился в угол дивана, обхватив голову руками.

«Это петля. Чёртова петля времени или что-то похуже... Я думал, это сон... но сон стал явью».

Завтра всё повторится? Или я просто схожу с ума?

«Помоги мне кто-нибудь».

С этими словами я провалился в тяжёлое забытьё, полное чужих, повторяющихся лиц и эха одних и тех же фраз.

День 3

Запись в дневник:

Я помню всё. Среда, вторник — они были. Календарь на стене не врёт, время идёт. Но почему тогда... почему всё повторяется?

Я проснулся от стука капель по карнизу. Дождь. Вчера было солнце. Время движется, но мир застыл. Я в какой-то другой, изошрённой петле, где меняются только декорации.

Я должен был выбраться отсюда. Любой ценой.

На улице лило как из ведра. Асфальт блестел, отражая серый свет. Поймал такси — старенькие «Жигули». Запрыгнул на заднее сиденье.

— Гони! На выезд из города! — крикнул я водителю.

Он молча кивнул, и машина тронулась.

Дорога петляла... а потом я увидел это. Впереди, за серой пеленой дождя, горизонт подпирала каменная стена. Горы выросли словно из-под земли, отрезая путь.

— Стой! Куда ты едешь?! — заорал я.

— На выезд из города, как вы и просили, — флегматично ответил таксист.

Дорога сделала крутой поворот... и мы снова въехали в город. Те же панельные девятиэтажки.

— Нет... нет-нет-нет... — я выскочил из машины прямо на проезжую часть.

Таксист молча уехал.

Я стоял посреди улицы, мокрый до нитки, и смотрел на горизонт. Горы были повсюду. Они сжимали город в тисках. Выхода нет.

Паника сменилась слепой яростью. Я не могу уехать. Я заперт!

Мой взгляд упал на автобусную остановку напротив. Мужчина с удочкой стоял под навесом и читал газету. Он даже не поднял глаз.

Ярость затмила разум. Я схватил металлический мусорный бак и швырнул его в стеклянную стену остановки. Грохот. Звон осыпающегося стекла.

На шум оборачивались люди... но лишь на секунду. Женщина с пустой коляской замерла и покатила её дальше.

— Псих! — крикнули из окна машины.

Они смотрели на меня как на дикое животное и просто... продолжили жить своей жизнью.

Я остался один посреди улицы, среди осколков стекла и обломков остановки, тяжело дыша.

Вернулся домой пешком, промокший до нитки и опустошённый.

«Выхода нет. Город окружён горами. Дороги замкнуты в кольцо».

Я здесь навсегда».

А потом я начал думать о том дне, когда всё это началось.

Я не помню ничего до вторника.

Кто я?

День 4

Запись в дневник:

Я не спал всю ночь. Смотрел в потолок и думал. Пытался сложить этот безумный пазл. Если время идёт (календарь, дождь, мои воспоминания), а люди — нет... значит, проблема не во времени. Проблема в них. Или во мне.

Я — это переменная, которая меняется и помнит. Они — это функция, которая каждый день сбрасывается на «ноль» и выдаёт один и тот же результат. Я — сбой в их системе.

Вышел на улицу с одной целью: доказать себе эту теорию.

Остановка. Вчерашняя остановка. Стекло, выбитое моей яростью, так и лежало на мокром асфальте искрящимся крошечком. Рама была погнута.

Это не сон. Это не перезапуск мира. Это... заикливание людей.

Я прошёл дальше. На углу дома, у магазина «Продукты», стоял тот самый мужчина с удочкой. Он курил, глядя в одну точку. Я спрятался за углом и стал наблюдать. Через пять минут он бросил окуроч в урну, посмотрел на часы и пошёл в сторону парка.

Я догнал его.

— Простите, огоньку не найдётся? — спросил я.

Он молча протянул мне дешёвую зажигалку, не поднимая глаз. В его лице не было ни капли узнавания. Для него я был пустым местом. Вчера я для него тоже был пустым местом.

Отчаяние накатило ледяной волной. Я — призрак в этом городе. Живой призрак с памятью о чужих жизнях.

Я вернулся к разбитой остановке. Мне нужно было оставить след. Знак для самого себя... или крик в пустоту.

На уцелевшей части стекла я нацарапал найденным осколком одно слово: «ГДЕ?»

Буквы получились кривыми, дрожащими.

Я отошёл на пару шагов, чтобы посмотреть на свою работу.

И тут я почувствовал его. Чей-то взгляд. Липкий, холодный, изучающий.

Мой взгляд метнулся по фасадам домов, крышам... И зацепился за деталь, которую раньше не замечал или предпочитал игнорировать.

На столбе остановки, под козырьком, висела маленькая чёрная полусфера. Камера видеонаблюдения.

В этом богом забытом спальном районе? Смотрела прямо на место, где я устроил погром? Совпадение? Я слишком устал верить в совпадения.

Огляделся по сторонам уже новым взглядом. И заметил то, на что подсознательно обращал внимание все эти дни: красный светодиод на перекрёстке, мигающий в унисон с моим пульсом; ещё одну камеру — высоко на фонарном столбе; и ещё одну — над входом в подъезд соседнего дома.

Они были повсюду.

Я не просто заперт в городе с зомби, которые забывают себя каждую ночь.

За мной наблюдают.

День 5

Запись в дневник:

Я выхожу на улицу не как пленник, а как исследователь на враждебной территории. Моя теория подтвердилась. Реальность здесь пластична только для меня.

Я иду по двору, и улики моих срывов смотрят на меня со всех сторон. Вон там, у детской горки, я в припадке ярости выломал две доски из скамейки — они так и лежат, серые и мокрые от ночного дождя. Вон там, на стекле остановки, моя надпись: «ГДЕ?». Она не исчезла. Её не закрасили. Для этого мира мои действия имеют вес.

А для людей — нет. Они — призраки, блуждающие по зачищенной территории. Они не видят разбитого стекла на остановке. Не видят надписи. Для них всё всегда «сегодня».

Мне нужны были ответы. Любые. И я вспомнил про библиотеку. Древний, пыльный источник информации, который не требует пароля или Wi-Fi.

Здание библиотеки стояло в двух кварталах отсюда — старое, двухэтажное, с колоннами у входа. Внутри пахло пылью, старой бумагой и чем-то сладковатым, похожим на ваниль. Тишина была абсолютной.

Я бродил между стеллажами, касаясь пальцами корешков книг. Искал бред: руководства по психиатрии (диагнозы для моего безумия), городские архивы (дата основания этой тюрьмы). История, философия... Всё бесполезно. Это были ответы на другие вопросы.

И тут я увидел её.

Она стояла на стремянке в дальнем углу зала, спиной ко мне, и переставляла толстые тома на верхней полке. Девушка лет двадцати пяти, в джинсах и простой водолазке. Тёмные волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбилось несколько прядей.

В ней было что-то... другое. Не в одежде или внешности. В самой ауре. Вокруг других людей я чувствовал вакуум, пустую оболочку. А от неё исходило едва уловимое тепло. Как будто внутри неё горела маленькая, но очень яркая лампочка, которую просто забыли выключить.

Она почувствовала мой взгляд и обернулась. Наши глаза встретились.

— Здравствуйте, — сказал я.

Она улыбнулась. Это была та самая дежурная, запрограммированная улыбка... Механическая функция «Улыбнуться незнакомцу».

— Здравствуйте, — ответила она мелодичным голосом.

Я подошёл ближе.

— Вы не подскажете, где у вас отдел... ну, скажем, странных происшествий? Или городских легенд.

Её бровь чуть-чуть изогнулась. На долю секунды её улыбка дрогнула, словно программа дала сбой.

— У нас есть краеведческий отдел на втором этаже.

Она назвала секцию так же безучастно... Но я успел заметить это. Искру. Живую искру в глубине её карих глаз.

— Спасибо... Аня, — прочитал я её имя на бейджике.

Она кивнула и отвернулась к книгам.

— Пожалуйста.

Я стоял и смотрел ей вслед. Она была такой же, как все. Функцией без памяти.

Но что-то внутри неё было живым.

И это был мой единственный шанс.

День 6

Запись в дневник:

«Я больше не пытаюсь убежать. Бежать некуда. Горы — это стены камеры. Я принял решение. Если я — единственная константа в этом мире переменных, буду действовать как она. Буду наблюдать. Изучать. Искать закономерности.

Вчера я видел её. Аню. В библиотеке. Ту самую, с искрой. Я больше не буду задавать ей бессмысленные вопросы, на которые она отвечает функцией. Я буду изучать её так же, как изучаю этот город. Она — ключ».

Я вышел из квартиры с чётким планом.

Сбор данных.

Занял свой «наблюдательный пост» в кафе напротив её дома — обычной забегаловке с липкими столами и запахом пережаренного масла.

Я заказал кофе и уткнулся в телефон, делая вид, что занят.

07:55— она вышла из подъезда.

08:02 — подъехал автобус. Она вошла в средние двери.

Я бросил на стол смятую купюру и выскочил на улицу, поймав такси для параллельного маршрута.

В 09:05 я был у библиотеки, поднявшись на антресоль второго этажа.

Она уже была там. Прошла к своему столу у окна, включила компьютер и начала расставлять книги по полкам.

Я наблюдал за ней.

Её движения были отточены до автоматизма, но я смотрел не на них.

Вот она потянулась — на запястье мелькнул шрам.

Вот поправила прядь — дрожали пальцы.

Вот кто-то уронил книгу — она вздрогнула всем телом.

Это были рефлексy живого человека, запертого внутри.

В 13:00 она пошла на обед в кафе через дорогу — салат и чай с лимоном. Она сидела одна и смотрела в окно на поток машин.

К 18:00 я был выжат как лимон, но знал её распорядок до мельчайших секунд.

Я провожал её взглядом до подъезда и видел, как зажётся свет в её окнах на втором этаже.

23:30

«Я знаю о ней всё.

Кроме одного.

Как заставить её вспомнить».

Я лёг в кровать и закрыл глаза.

Не спалось.

В 03:00 я сидел в кресле у окна и смотрел на спящий город.

И вдруг началось движение.

Из решёток вентиляции на фасадах домов повалил едва заметный газ. Он стелился по асфальту туманом и тут же растворялся в воздухе. Почувствовал его металлический вкус.

Я смотрел на людей в окнах напротив, спящих крепким, искусственным сном под действием газа.

Завтра они проснутся.

И всё начнётся снова.

Но почему я не забываю?»

День 7

Запись в дневник:

«День второй наблюдения. Я — тень. Я — призрак, который следует за ней по пятам, оставаясь незамеченным. Вчера я собрал данные. Сегодня я проведу эксперимент.

Гипотеза: их мир — это идеально отлаженный механизм. Любая песчинка, попавшая в шестерёнки, должна вызвать сбой. Я — та самая песчинка».

Я занял свой пост у кафе ещё раньше, чем вчера. Сидел за тем же столиком у окна, сжимая в руках остывающий стакан с чаем. Мой взгляд был прикован к её подъезду.

07:55 — она вышла. Всё тот же серый плащ, та же сумка. Тот же отсутствующий взгляд. Она дошла до остановки и встала на привычное место.

Вот он. Момент истины.

Я вышел из кафе и, не ускоряя шага, направился прямо к ней. Вчера я наблюдал издали. Сегодня я вторгнусь в её личное пространство.

Я подошёл и встал рядом, так близко, что почти касался её плеча. Она не отреагировала. Её взгляд был устремлён на дорогу, ожидая автобус.

— Холодное утро, не правда ли? — сказал я, глядя прямо перед собой.

Она не повернула головы. Её губы тронула механическая, дежурная улыбка.

— Да, — ответила она ровным, безэмоциональным тоном.

Я сделал ещё один шаг, окончательно нарушая её личное пространство. Теперь мы стояли плечом к плечу.

— А вы любите дождь? — спросил я, понизив голос.

Пауза. Мимолётная. Почти незаметная. Но она была. Я заметил, как её пальцы, сжимавшие ремешок сумки, едва заметно дрогнули. Её программа на мгновение зависла.

— Дождь? — переспросила она, и в её голосе впервые за всё время прозвучала нотка неуверенности.

Это была победа. Маленькая, микроскопическая трещина в броне.

В этот момент подъехал автобус. Её спасение. Её способ прервать диалог, который не был прописан в сценарии.

Она быстро шагнула к дверям и скрылась внутри салона. Я остался на остановке один.

Сегодняшняя миссия выполнена. Я ввёл переменную в её уравнение. Вопрос «Любите ли вы дождь?» теперь будет существовать в её дне как аномалия. Как заноза.

Весь оставшийся день я провёл в библиотеке, но уже не прятался. Я сидел в читальном зале и листал старые подшивки газет, делая вид, что занят.

Видел, как она работает. Как она время от времени замирает на секунду... и её взгляд останавливается на моём пустом стуле в углу зала. Словно она пытается вспомнить не сам вопрос, а того, кто его задал.

Результат: положительный.

Введена первая переменная.

Завтра посмотрим на эффект».

День 8

Запись в дневник:

«Эффект есть. Но это не взрыв, а тление. Я разжёл искру, и теперь нужно не дать ей погаснуть, раздувая тлеющие угли».

Я был на своём посту у кафе. Сердце колотилось. Сегодняшний день должен был стать ответом на вчерашний эксперимент. Я ждал.

Она вышла из подъезда. Всё тот же плащ, та же сумка. Но её походка... в ней было чуть меньше автоматизма. Чуть больше задумчивости? Или мне просто хотелось в это верить?

Она дошла до остановки. Я выждал паузу в три удара сердца и подошёл, встав на то же место, что и вчера. Она повернула голову и посмотрела на меня.

— Доброе утро, — сказал я.

Её улыбка была... другой. Не такой отполированной. В ней промелькнула тень узнавания, смешанная с лёгким испугом.

— Доброе утро... — ответила она, и её голос дрогнул на секунду. — Мы... вчера говорили о погоде?

Это был не осознанный вопрос. Это был её разум, пытающийся связать воедино обрывки данных. Она не помнила *меня*, но она помнила *факт* вчерашнего разговора. Это был прорыв.

— Да, — кивнул я, стараясь говорить спокойно. — Было холодно.

Она нахмурилась, словно пытаясь заглянуть в файл, который был повреждён.

— Я... я не помню, что было вчера, — призналась она тихо, почти шёпотом. В её глазах мелькнула паника. — Но у меня такое чувство... будто я что-то упускаю.

Я хотел сказать ей, что всё будет хорошо. Но не мог. Любая ложь сейчас была бы предательством.

— Это нормально, — сказал я вместо этого. — Иногда чувства важнее фактов.

Автобус подъехал, спасая её от этого неприятного чувства дезориентации. Она вошла в салон, но перед этим бросила на меня долгий, изучающий взгляд. Не как на незнакомца. Как на загадку.

Весь день в библиотеке я чувствовал на себе её взгляд. Она не подходила, но я видел, как она смотрит в мою сторону, когда думает, что я не вижу. Она пыталась меня классифицировать, встроить в свою картину мира, но я не подходил ни под один шаблон.

Позже я решился. Я встал со своего места и подошёл к её столу. Она подняла глаза, и в них уже не было пустоты.

— Что со мной происходит? — спросила она напрямую.

Её голос дрожал.

— Я не знаю всего, — честно ответил я. Воздух между нами звенел от напряжения. — Но ты начинаешь вспоминать.

— Вспоминать что?

Я не успел ответить. К её столу подошла пожилая женщина с просьбой найти книгу по садоводству. Момент был упущен. Аня переключилась на функцию «помочь посетителю», и стена отчуждения на мгновение вернулась.

Но когда она снова посмотрела на меня, уходя к стеллажам... В её взгляде читалась мольба: «Не уходи».

Прорыв.

Она помнит *факт*, но не *событие*.

Она чувствует дыру в своей памяти.

Завтра нужно быть осторожнее. Слишком сильное давление может сломать её или вызвать защитную реакцию».

Я лёг спать с чувством, которого не испытывал уже давно.

Надежда.

День 9

Запись в дневник:

«Вчера был прорыв, сегодня — регресс. Это не лестница, по которой мы поднимаемся. Это американские горки. И я должен научиться смягчать падения».

Я пришёл в библиотеку раньше обычного. Моё сердце замерло, когда я увидел, как она входит в зал. В её глазах снова плескалась пустота. Газ сделал свою работу.

Я не стал подходить. Это было бы ошибкой. Я занял свой стол и ждал.

В обеденный перерыв я видел её в кафе через дорогу. Она сидела у окна и хмурилась, глядя на дождь, словно пытаясь вспомнить сон.

Я вошёл спустя пять минут. Купил кофе и, проходя мимо её столика, как бы случайно уронил салфетку. Она упала прямо к её ногам.

— Простите, — сказал я, наклоняясь за ней.

Она вздрогнула от моего голоса. Её глаза расширились. В них мелькнуло узнавание — не лица, а *ситуации*. Словно дежавю.

— Мы... мы уже встречались? — спросила она тихо.

— Каждый день, — ответил я с мягкой улыбкой.

Я оставил её одну. Весь день я чувствовал на себе её взгляд — она искала меня в толпе посетителей.

Вечером я ждал её у подъезда.

— Вы... вы снова здесь, — сказала она без удивления.

— Я же говорил, что мы видимся каждый день.

— У меня голова болит, — пожаловалась она вдруг, потирая виски. — И эти сны... странные.

Это была боль роста. Её мозг пытался восстановить то, что было разрушено.

Прогресс нестабилен.

Газ слишком силён.

Но она чувствует *боль* от потери памяти.

Это наш шанс.

Нужно создавать больше таких „якорей“.

День 10

Запись в дневник:

«Новая стратегия: если прямой удар не работает, мы начнём осаду. Я перестаю быть случайным незнакомцем. Я становлюсь частью её пейзажа. Постоянной, неизменной величиной».

Я изменил свой распорядок. Теперь мой день начинался не с наблюдения за её домом, а с визита в библиотеку. Я пришел к самому открытию, взял книгу — старый, пыльный том по истории искусств — и сел за стол в дальнем углу.

Она вошла. Сегодня в её глазах не было вчерашней боли. Она была спокойна и пуста. Она прошла к своему столу... и её взгляд скользнул по залу. Он остановился на мне.

Я не улыбнулся. Я просто медленно опустил книгу и посмотрел на неё. Короткий кивок. Не приветствие, а констатация факта: «Я здесь. Я на месте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.